

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

ПРОТЕСТ НАЧИНАЕТСЯ СО СЛОВА «НЕТ»!¹

PROTEST BEGINS WITH THE WORD «NO»!

А.А. Козлов

доктор социологических наук, профессор
факультета социологии СПбГУ, Санкт-
Петербург

Протестные настроения в среде молодежи, которые до недавнего времени практически не беспокоили общество и властные структуры ввиду устоявшегося представления об этой категории населения, как аполитичной и малозначимой в политических процессах, начинают меняться.

Ключевые слова: молодежь, протест, агрессия, экстремизм, факторы протеста, специфика протеста молодежи

A.A. Kozlov

Doctor of Sociological Sciences, Professor
of the Faculty of Sociology SPSU,
St.Petersburg

Protest sentiments in the context of young people, who until recently had hardly bothered the society and power structures in view of the well-established understanding of this category of the population, as apolitical and of little importance in political processes, are beginning to change.

Keywords: youth, protest, aggression, extremism, protest factors, specificity of youth protest

Фраза, вынесенная в заголовок, принадлежит Альберу Камю [1], однако требует определенной расшифровки, если речь идет о молодежном протесте. Тем более, что протест является естественным состоянием, проявляющимся с раннего детства. Сами протестные настроения в среде молодежи, которые до недавнего времени практически не беспокоили общество и властные структуры ввиду устоявшегося представления об этой категории населения, как

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социологический анализ протестного потенциала российской студенческой молодежи» №18-011-00477.

аполитичной и малозначимой в политических процессах, начинают меняться, замещаясь некоторой тревогой. Правда, суть этой тревоги не очень понятна, в том числе и тем, кто выражает наиболее заметное беспокойство. Поэтому ограничиваются или восторженными откликами на действия молодых (в основном оппозиция), или беспокойством, как бы молодежь не стала значимой силой беспорядка, представляя собой угрозу власти (консерваторы и власть). В определенной степени беспокойство усилилось после керченской пальбы в техникуме и взрыва в помещении архангельского ФСБ, совершенных очень молодыми людьми. И непонятно, что это — просто разовые эксцессы неуравновешенных молодых людей, как и сопровождающий их конъюнктурный шум по этим поводам, или что-то иное? Во всем этом нужно еще разбираться, не впадая при этом в истерику.

Однако и те и другие комментаторы демонстрируют, скорее, во-первых, незнание природы и механизмов молодежного сознания и поведения, и, во-вторых, опираются на собственные (индивидуальные или групповые) представления о происходящем в стране и в обществе, а также на тенденции развития таких механизмов. И на перспективу в целом.

Но, как известно, эти представления могут в какой-то степени совпадать, а могут значительно отличаться от реальности. Причем, полное совпадение в силу многих причин в природе практически исключается. Что же касается молодежи, воспитания, работы с ней, то в этой области, увы, все специалисты, а потому готовы и обсуждать любые вопросы, и что угодно предлагать. Неслучайно поэтому на экранах телевидения и в радиозэфире присутствуют, за малым исключением, все кто угодно: и политологи, и политики, и журналисты, но специалистов-молодежников как-то почти не наблюдается. Да и ссылки на данные исследований почти отсутствуют.

Если взять тему протеста, то можно встретить много разного рода информации о настроениях в регионах среди взрослого населения. А вот о настроениях в молодежной среде найти таковую трудновато. Не показатель ли это того, что в отношении к молодежи по-прежнему действуют старые представления. Далее, более всего пугает выступающих комментаторов поведение группы школьников. Кстати, замечу, — одной из самых бесперспективных с точки зрения результата. А вот студенчество пока не «засвечено», хотя именно

студенты, как более институционально организованная, сплоченная и взрослая часть молодежи, способны весомо заявить о себе.

Кстати, в Европе 60-70-х годов XX века именно студенты доставили много головной боли властям. С их протеста собственно и началась молодежная политика. Но пока разговор представителей администрации со студентами и их активистами сводится к прямому и неприкрытому давлению, типа, можете или выступать, участвовать и т.д., или вылетите из вуза. Или имеет место составление полицейских протоколов. Право же, небольшой выбор.

Почему же нас привлекает протестная активность молодежи, то есть студентов и старших школьников? А это не что иное, как агрессия в классическом понимании, как выраженный в действии ответ на создающуюся или уже создавшуюся для участников угрозу, будь она объективно или субъективно осознаваемой (в том числе сознательно или подсознательно) (К. Лоренц) [2]. Это сложный и многоплановый феномен, который может быть явно выраженным и латентным. Как позитивным, так и негативным. Как сознательным, так и подсознательным. Как в норме, так и в патологии. К тому же, агрессиям часто сопутствует экстремизм (в чем, кстати, безуспешно, на наш взгляд, кое-кто пытался обвинить молодых людей, принявших участие в недавних выступлениях). Он (экстремизм) представляет собой комплексный социально-психологический и социально-биологический феномен, суть которого составляет превышение человеком, группой людей, социальными институтами пределов допустимого, очерченного в понятиях нормы, закреплённой общественным договором, и угрожающее целостности самой системы, но, что важно, при наличии злого смысла или умысла.

Особенность экстремизма в отличие от агрессии (которая может быть и доброкачественной — К. Лоренц, Л. Берковиц) в том, что экстремизм является идеологизированной агрессией. Иными словами, не каждый агрессор может быть экстремистом. Но каждый экстремист — безусловно, агрессор. В этом отличие экстремизма от, скажем, действий криминальных (уголовных) элементов.

Молодежь — специфический контингент по сравнению с взрослым населением. Во-первых, его характеризует экономическая зависимость от старших, в первую очередь, от родителей. Особенно это касается учащихся старших классов школ. Но и студенты не исключение. Во-вторых, молодых людей характеризует незавершенность жизненно-подготовительного цикла. В-третьих, —

разная степень организации. В-четвертых, — относительно невысокий уровень социального и политического сознания.

Если студенты представляют относительно сплоченную группу, имеют свои организации, то школьники объединены в основном через сети. И то с большими оговорками. Кроме того, не следует забывать, что молодые люди этого возраста, конечно, не представляют собой самостоятельной социальной силы, что подтверждено многими исследованиями. Хотя, в свое время (в 60-70 годы прошлого века) рассуждения о молодежи, как о едва ли не революционной силе (даже классе) общества, встречались довольно часто. Отсюда молодежь может выступить только как сопутствующий компонент протеста.

Ну, а если спросить самих студентов, то выясняется, что оснований для недовольства у большей части из них достаточно. Замечу, именно отсюда начинается тема напряженности, которую принято называть социальной. Хотя, поразмыслив, приходишь к выводу о необходимости углубиться в область психологии и совершенно отброшенной куда-то на периферию психиатрии. Во всяком случае, на шумных ток-шоу видеть психиатров почти не приходилось. А если учесть воздействие внешних факторов, то нельзя упускать из виду психо-эпидемический компонент. Тем более что Россия всегда была благодатным полем для разного рода психических эпидемий, что многократно отмечалось многими исследователями (В.М. Бехтерев, А.М. Шерешевский, И.И. Щиголев и др.).

Есть и еще одна сторона протестного поведения и его крайностей — нравственная. Ведь не секрет, что нравственная атмосфера в обществе сильно изменилась. В первую очередь, это касается ценностей, как исповедуемых самим человеком, так и сообщаемых ему извне. Разговоров на эту тему много, хотя они и не приведены в какую-нибудь систему. Так, чаще всего, можно слышать рассуждения о пагубном воздействии «дикого оскала капитализма» и о культе денег, распаде коллективизма, привносимых с Запада ложных ценностях и явно неприемлемых стереотипах. Буквально в последнее время — о попытках разрушить русский мир и о якобы скрепляющем его православии, и т.д.

И значительно реже приходится слышать о нравственном мире современного подростка, молодого человека. Хотя россыпь конкретных данных и статейных материалов впечатляет. Но опять же как-то без системы. Даже в таком, казалось бы, испробованном

жанре, как государственные и региональные доклады о положении молодежи, детей, семьи. Прежде всего, это относится к нравственной проблематике.

Не стоит забывать и о научно-техническом срезе протестной проблематики. Особенно относительно компьютеризации, ставшей частью образа жизни и образа мысли современных молодых людей. Но многие исследователи проводят связь между этими феноменами и формированием и закреплении инфантильности. Причем, какого-то нового типа.

Весьма своеобразно протестные элементы в сознании и поведении молодежи соотносятся с усиливающимся действием религиозных и парарелигиозных факторов. Хотя это слишком глубокая тема, могущая увести далеко в сторону.

В современной литературе можно встретить достаточно развернутый перечень факторов, влияющих на активность молодежи. Условно и по традиции можно выделить политический, экономический и социально-нравственный и психологический аспекты. Однако при ближайшем рассмотрении политический и экономический факторы явно отходят на задний план. Зато социально-нравственный и психологический выходят в первые ряды. Это и особенности молодежного возраста, стремление к самостоятельности, обостренное чувство справедливости, стремление проявить себя и т.д. Словом, все то, что уже описано исследователями разных школ и направлений, как у нас, так и за рубежом.

Однако один срез проблематики молодежного протеста до сих пор выпадает из внимания специалистов. Прежде всего, это характерное для детского и молодежного возраста игровое сознание. Так, исследователями замечено стихийное продление детско-юношеского возраста и психологии до 25-26 лет. Но это значит, что и свойственный этому периоду инфантилизм, усиленный к тому же виртуализмом, совершенно не знакомым молодым (да и взрослым) еще четверть века назад, и все более усиленный жизнью в потребительском обществе, будет лишь закрепляться и превращаться в достаточно влияющую на формирование личности силу. Отметим также, что многие необычные, на первый взгляд, проявления поведения отдельных групп молодежи, имеют, в общем-то, сходную природу. Будь то спонтанное участие в протестных акциях, конечно же, не ими организованных, или езда на крышах поездов и

электричек метро, или что-нибудь иное. И оценочные суждения молодых людей очень схожи — одним словом, — «круто!».

Тем более что мы ощущаем усиление игровой компоненты в сознании и поведении, хотя не можем почти ничего сказать о ее масштабах и следствиях, коих множество.

Поэтому следует быть осторожными в оценках фактов поведения молодых людей, особенно как проявления гражданственности, что свойственно оппозиционной части взрослого социального спектра, так и проявления экстремизма, что свойственно традиционно консервативной части, особенно властных структур.

А склонны к проявлению такового очень немногие. И поэтому масса в несколько сотен человек — участников той или иной акции — не должна смущать. По данным наших многолетних исследований и наблюдений таких не более 3-5%. В более критические периоды к ним могут присоединяться, и то спонтанно, до 8-10%. Половина же молодых людей просто равнодушна к протестным акциям. А хотели бы даже разогнать выступающих 15% опрошенных. На протестные действия могут влиять и случайные факторы. Это могут быть и звонкий разоблачительный документальный фильм, и каникулы и т.д.

Возвращаясь к тезису об усилении игровой компоненты в сознании и поведении молодежи, хотелось бы обратить внимание на то, что у нас в целом отсутствует как стратегия воздействия на данный феномен, так и представления о способах его профилактики. Хотя система работы с молодежью, особенно за последнее десятилетие, существенно продвинулась вперед.

Ясно только одно, что феномен игрового сознания сегодня и завтра будет неотъемлемым элементом сознания и поведения молодежи. Но интересно, в каких формах, и в каких видах он трансформируется уже в сознание и поведение взрослых, спустя некоторое (кстати, очень короткое) время. А отчасти уже трансформировался. И что мы со всем этим будем делать? Вопросы остаются открытыми.

Что касается психологического самочувствия, то большинство опрошенных нами студентов, почти половина из них (47%), вполне спокойно, а 8,6% из них даже испытывают чувство оптимизма. Почти столько же (45,8%) испытывают некоторое беспокойство. И только 7,8% подвержены чувству страха. Причины — в кризисных проявлениях в различных сферах жизни общества и государства. Тем более что регулярно следят за политикой — каждый пятый

респондент, следят время от времени уже 54,3%, не интересуется политикой также каждый пятый. По мнению молодежи, социально-экономическая ситуация в стране (каждый пятый студент определенно так полагает) изменяется в лучшую сторону. Однако 46% придерживаются противоположного мнения. Что обстановка никак не изменилась — 12,2%. Не задумывался об этом 21% опрошенных.

Однако, наиболее болезненные точки самочувствия студентов, как показывают наши исследования, это осязаемое сокращение материальных средств, в том числе и на учебу, ограничение возможностей досуга. Но самое главное — это потеря чувства перспективы. Правда, не столь осязаемое, чтобы стать фактором массового недовольства, напрямую ведущее к массовым протестам, но, все же дающее о себе знать в сознании большинства.

Как видим, на первый взгляд, катастрофического положения в среде студентов, способных подвигнуть большинство из них к протестам, пока не наблюдается.

Но вернемся к теме протеста и его составляющим. Кто же такие протестующие и те, кто не склонны к протестам? Прежде всего, об общих впечатлениях молодых людей, наблюдающих за участниками протеста, из которых 22,3% хотели бы посмотреть на протестующих со стороны, но не участвовать. Испытывали желание поучаствовать в этих выступлениях 7%, а 14,9% заявили о том, что хотели бы разогнать всех этих выступающих. Большинство же (46,9%) отнеслось к этому безразлично. Кроме того, под воздействием кризисных ситуаций и сопровождающих их процессов уже сейчас ищут пути протеста 7,2% опрошенных, уже участвуют в деятельности протестных групп 4,6%, а 28,7% заявили, что годятся разве что «к протесту на диване». Остальные же затруднились ответить на данный вопрос (59,4%).

Подводя итог, можно выделить, как минимум, пять факторов, влияющих на протестные состояния, — социальный, нравственный, психологический, религиозный и научно-технический. Правда, не очень понятно, оказывает ли будет ли оказывать на поведение нашей молодежи фактор угроз и вызовов (прежде всего, угрозы войны и терроризма). Ведь судить по разовым выступлениям не очень-то и серьезно. Хотя мониторинг, конечно же, нужен.

Литература:

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. М., Политиздат, 1990. (Мыслители XX века).
2. Лоренц Конрад. Так называемое зло. /Под ред. А.В. Гладковского. М., Культурная революция, 2008. — (Современные классики).
3. См. словарь по этике. См. Экстремизм в среде петербургской молодежи. Анализ и вопросы профилактики. / Под ред. А.А. Козлова, Химиздат, 2003.
4. В.Н. Томалинцев, А.А. Козлов. Введение в социальную экстремологию. Л., ЛГУ, 2005.